

Всего через несколько недель после официального объявления о помолвке материализовался подарок от какого-то неизвестного благодетеля из Эссоса, что само по себе было достаточно загадочно, хотя Джон предполагал, что это скорее тайные друзья дяди Эртура. Меч, так сказать, создал гораздо большую тайну, когда Джон раскрыл его. Его рукоять и навершие казались достаточно простыми, обтянутыми кожей. Но сам клинок заставил Джона перехватить дыхание. Темная рябь на стали рассказывала о том, как сталь, из которой она была сделана, складывалась снова и снова, о всей кропотливой работе, проделанной над ней. Он снова повернулся к дяде Эртуру, но тот только вручил ему письмо. "Это валирийская сталь", - сказал он.

Эртур Дейн утвердительно кивнул головой. "Так оно и есть", - сказал он. Он забрал меч у Джона, крутанул его и проверил баланс. "Это прекрасный меч", - сказал он. "Возможно, тебе еще придется к нему привыкнуть. В конце концов, это полутораручный длинный меч. Он может быть легким, но он длиннее, чем тот, к которому ты привык, и ты еще не так высок".

Джон протянул руку и стоял неподвижно, пока дядя Эртур не вернул ему меч. Джон сам проверил его, взвесил в руке и покрутил. Правда, он был длиннее, чем он привык, но он уже не был таким коротышкой, как раньше, и это не казалось ему слишком большой помехой, особенно учитывая тот небольшой вес, на который уже указал дядя Эртур. Он весил меньше обычного длинного меча, к которому он привык. Обтянутая кожей рукоять почти идеально сидела в его руке. И как только он привыкнет к нему, несомненно, он станет продолжением его руки. "Да кто же мне такое дал?" Спросил он. "И за что? В мире осталось так мало мечей из валирийской стали".

"Больше, чем многие думают", - ответил дядя Эртур. "И не забывай, что теперь ты Лорд Узкого Моря. Стало больше людей, готовых бороться за твою благосклонность, чем ты думаешь".

Джон почувствовал, что краснеет. "Я просто бастард", - сказал он.

Дядя Эртур даже рассмеялся в ответ. "Это не так", - сказал он. "Ты - Лорд Старк Драконьего Камня, Глотки и Узкого Моря. Ты вроде как станешь одним из лучших фехтовальщиков, которых Вестерос видел за многие поколения. И ты хороший, справедливый человек. Люди обращают на это внимание, мальчик".

Джон почувствовал, как его спина почти сама собой выпрямилась. Истинная похвала, похвала, которая выходила за рамки техники и работы ног, исходила от дяди Эртура так редко, что Джон, даже теперь, когда он должен был вырасти, не мог не откликнуться на нее, как северный цветок, поглощающий каждый лучик солнца, который он может найти. У него всегда было такое впечатление от дяди Эртура, что он надеется на лучшее и ожидает худшего, как он всегда надеялся и отчаивался в том, сможет ли Джон подняться над предательским, развратным пятном, нанесенным его рождением, все это полностью исключало любовь, которую Джон никогда не сомневался, что его дядя испытывает к нему. Такие слова... Независимо от того, насколько он вырос, Джон думал, что всегда будет дорожить ими. "Спасибо", - выдавил он наконец.

Дядя Эртур протянул руку и со смехом взъерошил ему волосы. А когда Джон попытался увернуться от него, он только рассмеялся еще громче. "Позволь старику проявить снисходительность", - сказал он. "Очень скоро ты станешь отцом, и я не могу делать этого из страха, что твои дети будут неуважительно относиться к тебе".

Несмотря на себя, Джон не мог не улыбнуться этим словам. Каким бы опустошительным и пугающим ни было известие о его предстоящем отцовстве поначалу, теперь он понял, что не

может дожидаться. Он не мог дожидаться обещанной Маргери семьи, а также обещания стать для своего ребенка таким же отцом, каким был его собственный Лорд-отец, что, несмотря на все добрые намерения, в которых Джон не сомневался, никогда по-настоящему не был для него, поскольку неодобрение леди Кейтилин всегда лежало тяжелым грузом между ними, и невысказанная печаль, которую Джон, казалось, всегда вызывал в Лорде Эддарде. Он осторожно вложил меч обратно в ножны, не обращая внимания на то, что его руки зудели от желания сразиться им. Вместо этого он посмотрел на своего дядю, пытаясь без слов сказать ему, как сильно он нуждается в его честности. "Как ты думаешь, я могу стать хорошим отцом?"

Глаза дяди Эртура на мгновение погрузились, и на его лице промелькнула череда выражений, которые Джон даже не мог понять. Наконец он протянул руку и, схватив Джона за шею, притянул его к себе так близко, что они оказались лицом к лицу. Джон вдруг понял, что ему уже не так высоко надо смотреть вверх. "Любому ребенку повезло бы больше, чем он думает, если бы он называл тебя своим Лордом-отцом", - сказал дядя Эртур, и еще один прилив уверенности поддержал Джона там, где он сам мог бы потерпеть неудачу. "А теперь послушай меня, мальчик", - продолжил он. "Ты самый лучший из обоих своих домов. Ты больше, чем сумма их качеств, больше, чем кто-либо мог предвидеть. Ты - один из лучших людей, которых я знал, и величайший лорд, которому я служил". Его рука скользнула в волосы Джона, и лоб Джона уперся в челюсть дяди. Вся эта встреча была настолько напряженной, что Джон даже не мог объяснить, почему ему было больно. Все, что он знал, это то, что ему невыносима мысль о том, что он подведет Эртура Дейна. Как бы сильно он не верил в то, что эти слова были правдой, он должен был сделать их таковыми. "Ты будешь любить этого ребенка так же сильно, как волк любит своего волчонка, и защищать его так же сильно. И ты достаточно силен, чтобы жить для него, а не умереть за него. Ему и в голову не придет просить лучшего отца".

Джон сглотнул, вспомнив, сколько бывших присягнувших лордов погибло во время его дяди, вместо того чтобы выполнять свои обязанности. Джон никогда не станет одним из них. Он поклялся в этом. От него зависели его подданные. У него были Лорды, присягнувшие ему, также зависящие от него. У него был отец, которым он мог бы гордиться, если бы мог. Больше всего на свете ему предстояло заботиться о своей Леди-жене и ребенке. Джон будет таким, каким его считал дядя, даже если это отнимет у него все силы. И пусть он был не очень взрослый, но прожил достаточно долго, чтобы знать, что иногда для того, чтобы жить, требуется больше силы, больше мужества, чем для того, чтобы умереть. Он надеялся, что ему никогда не придется делать этот выбор.

[Немного не понял что за лорды умерли, и что за дядя]

Он обнял дядю в быстром, коротком объятии, прежде чем отступил назад, каким-то образом сумев удержать дрожащую улыбку. А потом, прежде чем он успел что-то сказать в ответ, дверь открылась, и вошел дядя Бенджен. Он снова и снова переводил взгляд с меча на дядю Эртура и Джона. Джон не думал, что смог бы прочесть выражение лица Бенджена за все золото известного мира. "Сир Дейн", - сказал дядя Бенджен. "Я хотел бы поговорить с тобой. Наедине".

Выражение лица дяди Эртура ничего не выражало. Он одарил дядю Бенджена приятной улыбкой. "После ужина", - пообещал он. "Я думаю, что наш племянник хотел бы испытать свой новый клинок".

Губы дяди Бенджена скривились в нечто, почти напоминающее оскал. "После ужина", - согласился он.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/905977>